Моя выписка из больницы чуть подзатянулась. Вместо стандартных пару дней из-за истощения или недели из-за простуды, я провалялась почти месяц. Все же нервные срывы и попытки на меня надавить, не прошли даром для организма, восстанавливалась я крайне медленно. Повезло, что третьей попытки пробудить додзюцу никто не предпринимал, а еще закрывали глаза на лазающего ко мне через окно Наруто. Последнее давало даже лучший эффект, чем все лечение сразу. Особенно его неуклюжие попытки меня подбодрить и принести что-то вкусненькое. В силу своего финансового положения, таскать рамэн ко мне в палату он мог не часто, но вот диких фруктов и ягод приносил железно, иногда путая их со слабо-ядовитыми и невольно смущаясь, когда я рассказывала в чем он ошибся. Было даже забавно смотреть на смущенно краснеющего парнишку, который чесал в затылке рукой и тихо бормотал себе под нос, что считал, что его пронесло из-за грибов. Мне невольно хотелось схватиться за голову и спросить – зачем я ему дарила ту тетрадку со съедобными растениями? Впрочем, я знала ответ, нарисованные от руки иллюстрации(упоминания о подарке есть в сборнике драббов «Свет и тень на картине») не могли передать внешний вид со стопроцентной точностью, а рядом с ним не было человека, который мог направить. Я вот тоже еще не определилась насколько сильно хотела вмешиваться в его дела, хотя и была благодарна за внимание, но это так же не отменяло стоящих за мной людей. Да, Фугаку ничего не говорил на перемещения Наруто и наше общение, но надолго ли?

Думать и гадать о дальнейших трудностях не хотелось. О своей выписке я парнишку предупредила, уклоняться от общения не буду, все остальное решу позже. В конце концов, даже если кому-то из семьи и Клана не понравится мое общение с этим ребенком, максимальное наказание, которое мне грозит – словесный выговор, его я вытерплю. Да я даже телесное наказание выдержу, пусть приятного в этом мало. Другое дело последствия для сироты… их я понимала слишком хорошо. Наруто просто некому защитить, а доставлять ему проблем не хотелось. Только не после того, как он мне помог. И пусть где-то внутри свербела мыслишка, что он так избавляется от собственного одиночества, но многие ли были способны сделать это так? Я-то прекрасно знала сколько вреда ему может принести общение со мной, одной из крайне непопулярного Клана Учиха.

Встряхиваю головой, прикрывая еще слишком чувствительные к перепадам света глаза. Яркий свет ослепил, стоило выйти из больницы. За шесть лет вид практически не поменялся, даже ракурс примерно один и тот же. Если бы не отсутствие признаков семьи поблизости и Итачи в частности, который меня тогда нес, поностальгировала бы. В данный момент не получалось. Спину жег неприятный взгляд сокланoвца и еще Бог весть каких людей, которые внимательно следили за моей выпиской. Это отбивало всякое желание куда-нибудь идти и что-либо делать. Настроение не добавляло и душившее почти весь месяц одиночество, чуть ослаблявшее свою хватку при появлении Наруто и буквально убивающее, когда у моей постели сгорбившись сидел Итачи. Хотелось просто добраться до дома и смыть с себя удушливый запах лекарств в тщетной надежде, что все станет так же, как раньше, а еще… я постоянно ловила себя на мысли, что ищу взглядом Шисуи. Ожидаю, когда он выскочит из-за угла или спрыгнет прямо передо мной с крыши, блокируя рефлекторные удары и, рассмеявшись, ляпнет какую-нибудь глупость, я отвечу и вот мы уже весело переругиваясь зайдем в любимый Итачи магазинчик данго.

Растерянно смотрю на сладости в руках. Погруженная в воспоминания я все же зашла туда, но стоило взять в рот сладкий шарик, как я с трудом удержала желание выплюнуть его. Слишком приторный соус с послевкусием жжёного сахара, откровенно безвкусное тесто, которое еще и тянется, как жвачка.

Гадость. Странно, раньше же я спокойно ее ела вместе с Шисуи и Итачи?

Кривлюсь. Палочка с недоеденной сладостью возвращается назад, а изначально съеденное я не выплевываю лишь из-за своих привычек пришедших из прошлой жизни. В то время я не могла себе позволить портить еду. Я вообще иногда не могла ее себе позволить в желаемых количествах и именно ту, какую действительно хотела. Благо, хоть голодала лишь в глубоком детстве.

Ноги сами несут по известным дорожкам, через какое-то время понимаю, что хожу кругами, смотрю на людей и не замечаю никаких изменений. Смешно! А чего я вообще ожидала? Что чья-то смерть повлияет на эмоции толпы? Тем более, смерть Учиха, о чем шепчутся у меня за спиной, не понимая или, что вероятнее, просто игнорируя тот факт, что у шиноби слух гораздо острее обычных людей. Я, конечно, повязку еще не надела, но это не меняло тот факт, что при активации шарингана я могла уделать практически любого генина и даже часть чунинов. Главное, активировать додзюцу раньше, чем на меня нападут. Впрочем, генины мне даже без додзюцу были не так опасны, если я отдохнувшая.

Со вздохом отказываюсь от дальнейших прогулок, немного жалея, что отклонила предложение Наруто составить компанию. Я даже не знаю, что мной в тот момент двигало, неужели крохи веры в семью? Вряд ли. Я прекрасно знала, что ради меня Фугаку с Микото не возьмут выходной, а отношения с Итачи пугали уже не легким недопониманием, а глухой стеной недомолвок, недосказанности и недоверия. Брат вообще стал меня избегать, оставляя при своем посещении привкус вины и желания исчезнуть. При таком раскладе надеяться, что на выписку придет кто-то родной… да мне даже одежду нормальную и немного денег с моих нычек принес Хацуюки! Больше никто этим не озаботился и я даже знаю почему. Родители считали, что этим займется всегда заботящийся обо мне брат, Итачи посчитал, что логичнее этим заняться Микото. Может все было не в такой последовательности, но сомневаюсь, что ошиблась в причинах. Да и так ли они важны? Я просто устала…

Дом встречает привычной тишиной и полным отсутствием жизни. Я не могу ощутить даже мышей или птиц на ветках деревьях, что говорить о людях? Просканировав все доступные поверхности не нахожу ничего необычного. Ни посланий, ни ловушек, вообще НИ-ЧЕ-ГО. Будто не я отсутствовала месяц и только выписалась, а просто вышла погулять на пол часика и вернулась.

Есть ли разница в том, жить в одиночестве или с семьей?

Странный вопрос, почему он пришел ко мне в голову? Не важно. Я не планировала заниматься самокапанием, вдоволь насладившись этим в больнице. Да и Хацуюки не позволит, появившись недовольной тучкой в помещении. Разговаривать он не торопится, но я его понимаю, сама ощущаю внимание сокланoвца и даже благодарна за это. Получать очередную взбучку из-за своей безалаберности я не хочу, а с неко станется.

Вода уносит запах больницы, но не дает облегчения. Жизнь не начинает играть новыми красками и пустота в груди никуда не исчезает. Мне все так же тошно и чувство неправильности доминирует надо всем остальным и я ничего не могу с этим поделать. Я живу, но и все. Живу с усталостью шагающей за мной в ногу. Это не обреченность, нет, просто это неправильно. Вокруг все слишком обычно, спокойно, ничего не поменялось, лишь шепотки за спиной выбиваются из образа, но стоит повернуть голову, как все замолкают. Ну, так было всегда, только содержание фраз чуть изменилось, не более. Дни были все такими же…

Хотя вру. Было отличие. В магазинчике сенбей(тип японских рисовых крекеров, вид десерта) меня больше не ждали с улыбкой и Уручи-сан не останавливала поболтать, сказать, что скоро я, как Итачи, пробужу шаринган, а ее муж и вовсе отворачивался не здороваясь. Не скажу, что меня это задевало, раньше бесцеремонность этой пары раздражала, а сейчас… я просто перестала ходить мимо них и пытаться что-либо купить. Неприсущая мне ранее паранойя шептала, что в их рисовые крекеры могут положить мышьяк, исключительно для меня, конечно. Вопросов, чем это вызвано тоже не возникало. Я просто не могла не услышать шепот сверстников и чужие высказывания о том, что это из-за меня умер Шисуи. Правда, подробностей понять из чужих слов не получалось, все было настолько расплывчато, что я сама поражалась… если бы были на это силы. Жаль, что чувство вины перебивало все.

Смерть друга… я избегала этого, всеми силами старалась спрятаться от реальности. Мне потребовалась неделя. Нет, мне потребовалась целая вечность и только робкие слова Хинаты заставили осознать, что спрятаться от этого не удастся. И только по странному стечению обстоятельств эта вечность заняла всего неделю реального мира. Именно тогда я смогла собраться и пойти на кладбище, купив пару гвоздик, вместо обычных для этого места лилий. Глупое действие на самом-то деле. Очень глупое.

Что я ожидала увидеть?

Молча сжимаю зубы, перед глазами не человек – гранитный камень… даже не полноценное надгробие! Просто булыжник. Серый, светлым пятном выделяющийся на зеленой траве.

И мне не важно, что этот булыжник обработан. Не интересует, что когда я видела такие на могилах других людей – воспринимала нормально. Ну, подумаешь, кусок серости тридцать на тридцать (да, даже если немного больше)? Места-то на кладбище мало! Но это было у других. Не у Шисуи.

Присаживаюсь на колено, закусываю губу и прикасаюсь к шершавому камню. Рядом с рукой приземляется алая капля из прокушенной губы. Боли не чувствую, желания что-то менять тоже. просто прикрываю глаза, безмолвно желая спросить… Почему?

Я даже сама не знаю, сколько значений вкладываю в это слово, сколько более развернутых вопросов за ним стоит. Мне даже с интонацией определиться сложно! Но это все бесполезно. Как бы я не говорила, никто не ответит. Не подойдет со спины, шутливым движением вынимая вдетую в отросшие лохмы кисть для письма или карандаш. Никто не ворвется в дом и уверенной рукой не закинет на плечо, старательно увещевая, что отдых полезен для здоровья, а после оттащит на гору Хокаге или на искусственно созданную запруду у ручья.

Сколько этих «никто»?

Открываю глаза. В них нет слез, они сухие, но как бы я не моргала, это ощущение не исчезает. Шаринган не активен, я в этом уверена, а слезы просто не текут. Желание задавать вопросы тоже уходит на задний план. Я просто не могу искренне предаваться горю, когда за спиной есть люди. И не важно, что чакру именно этого человека я замечаю в этой области Конохи практически регулярно и он вообще не смотрит на меня. Он просто мешает.

Ладонь все так же лежит на камне, поглаживая плохо обработанную поверхность. Кровь из прокушенной губы уже не капает, образовав небольшую лужицу на поверхности, которая уже немного подсохла… сколько я так сидела у этого камня? Взгляд невольно поднимается вверх, легко замечая изменения в положении солнца. Я пробыла здесь не менее часа, но так и не смогла ничего сказать вслух. Просто не знала что. Нет, знала, но даже сейчас… для меня это было слишком тяжело.

Осторожно достаю бутыль с водой и носовой платок, аккуратно счищая кровь с камня. Ткань цепляется за шероховатости и кране отвратно очищает поверхность. Я тру упорно, постепенно ткань рвется, ловлю себя на том, что начинаю задевать подушечки пальцев, уже не стирая, а оставляя новые следы крови. Останавливаюсь, просто вздыхаю и убираю безнадежно испорченную ткань, равнодушно смотря на кровящие пальцы. Губы кривятся в самоуничтожительной улыбке, боль не отрезвляет, совершенно. Я ее практически не чувствую, но заставляю себя остановить кровь и чуть подлатать, и только после этого достаю еще воды и омываю камень. Следом ставлю небольшую вазу, в которую выливаю остатки воды и помещаю пару алых гвоздик. Дело сделано.

Поднимаюсь и ухожу не оборачиваясь. Я будто переступила какую-то грань, будто окончательно утратила что-то невидимое, но очень важное. Внутри была звенящая пустота, будто я не человек – ваза из тончайшего фарфора. Такую даже в руки брать боязно, но… кого будет интересовать мое душевное состояние? Никого. Стоило покинуть территорию кладбище, как исчезла тишина, в уши ядовитой змеей стали вливаться чужие слова. Тонкий барьер равнодушия, отрицания реальности – будто прорвался. Чужая ненависть оглушала. Нет, это и было раньше, но я могла это игнорировать, сейчас же… чувство беззащитности появилось внезапно.

«Бесстыжая… Бессердечная тварь… Умер из-за нее… Похоже ей все равно… Мне бы было стыдно на ее месте… Как таких земля носит… Лучше бы это она сдохла…»

Останавливаюсь, внутри что-то окончательно рушится. Ненависть удушливой волной поднимается в груди. Нет. Не на них. Самое противное, что я со многим согласна и с радостью бы отдала свою жизнь вместо его, но… это невозможно. Я ничего не смогла сделать. Он умер. Его больше нет, но… где были эти гребанные праведники?! Я не единственный ирьенин Клана! Я не сильнейший боец!

Громкий, злой, немного истерический смех вырывается из груди.

- Да, как ты смеешь!? – мой смех обрывается резко, когда я замечаю чужое движение и делаю шаг в сторону, чтобы избежать кинутый в меня камень. Я узнаю метателя. Один из придурков, что так отчаянно завидовал моему брату и жилы рвал, чтобы его превзойти. Неудачно. В конце концов, не все готовы, как я радоваться тому, что их успехи никто не видит на фоне чужой гениальности.

- Смею что? – смех оборвался, но на губах все так же играет усмешка. Уверена, что мой взгляд тоже не блещет дружелюбием, но длинная челка помогает скрыть ненависть, которая накатывает удушливой волной. – Жить? Ходить? Смеяться? – мой голос довольно ядовит, пусть я и понимаю, что парнишка передо мной ни в чем не виноват, но… он не виноват, как насчет его родителей? Как насчет других взрослых Учиха? Кто загнал Шисуи и Итачи в тупик? Из-за кого они стали так рисковать? Да, я виновата, что не была достаточно сильна и способна, чтобы спасти его и это всегда будет преследовать меня, но что насчет других? – Если взрослые шиноби моего Клана могут ходить гордо подняв голову, почему не могу я?

- Да, как…

- Смею и что? – обрываю чужую претензию резким тоном. – Вы все смеете, почему не сметь мне? Ты же сын Яширо-сана, довольно сильного бойца Клана и он в тот день был в квартале… - яд в моем голосе слишком очевиден. Я выплевываю слова, изливая свою ненависть. – Так где был твой то-сан, когда враги вошли в наш дом? Где он был, когда я оказалась вне квартала? Почему из всех людей на угрозу среагировали только Шисуи с ни-саном?! Наверное, все его время уходит на недовольство Итачи? – перевожу взгляд на другого мальчишку, что следует за

первым. – О, а ты кажется сынок Текко-сана, м? Не подскажешь, где в то же время был твой то-сан? В конце концов, о нем говорят, как о сильном шиноби-Учиха, такой наверняка смог бы сработать лучше и не погибнуть, как… - щелкаю пальцами, припоминая недовольные реплики всех встречаемых во время прогулок с Шисуи придурков-соклановцев, - «какой-то сопляк лишь чудом выживший в прошедшей войне»? – издевательски смеюсь, видя, как искажаются лица детей, а окружавшие еще недавно другие люди отходят в стороны. Это не чужаки, все вокруг так или иначе связаны с Кланом, кто-то фамилией, кто-то родственными связями, кто-то хороший знакомый или родственник мужа/жены соклановцев пришедший в гости. Их отличие – мирные профессии и отсутствие додзюцу. – Ох, а ты же сын Инаби-сана…

Чужой шок быстро сменился на ярость, я вижу, что мои слова задевают что-то внутри этих глупцов, но они виноваты сами. Не стоило меня провоцировать. И пусть я прекрасно осознаю, что не должна срываться на этих детях. Не должна высказывать претензии им, но… им просто не повезло. Нет, не повезло нам всем. Я просто уже не могу держать все в себе, но так же и не могу сказать правду. Не сейчас, а может и никогда.

Итачи, скажи, сколько я должна поддерживать твою ложь?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/71427/2974631